

СВЯТЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ

Тимофей Веронин
Святые целители
Серия «Православие в жизни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17200421

*Тимофей Веронин. Святые целители: Издательство Московской Патриархии Русской
Православной Церкви; Москва; 2014
ISBN 978-5-88017-430-0*

Аннотация

Перед вами жизнеописания святых целителей как раннехристианского периода истории, так и последних веков. Именно им молятся верующие во время совершения Таинства соборования и молебнов о здравии. Издание призвано не только познакомить читателя с жизнью и подвигами святого великомученика и целителя Пантелеимона, святого мученика Трифона, святого праведного Иоанна Кронштадтского, блаженной Матроны Московской и многих других, но и пробудить веру во Христа, донести мысль о необходимости жертвенной любви к людям во все времена.

Книга также издавалась под названием «Кому молиться в болезнях. Рассказы о святых целителях».

Содержание

Часть первая	5
Несмотря на недуги	5
Святой великомученик и целитель Пантелеимон	7
Святой мученик Трифон	13
Святой мученик Фалалей	17
Мученичество святого Диомида	19
Святые мученики Кир и Иоанн	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тимофей Веронин

Святые целители

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 14

© Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014

© Веронин Т., текст, 2014

* * *

Отче Святый, Врачу душ и телес, пославый Единороднаго Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, всякий недуг исцеляющего, и от смерти избавляющего, исцели и рабов Твоих (имена) от обдержания их телесныя и душевныя немощи, и оживотвори их благодатию Христа Твоего; молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии; предстательства честных Небесных Сил безплотных; силою Честнаго и Животворящаго Креста; честнаго славнаго пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна; святых славных и всехвальных апостолов; святых славных и добропобедных мучеников; преподобных и богоносных отец наших; святых и исцелителей безсребренников Космы и Дамиана, Кира и Иоанна, Пантелеимона и Ермолая, Сампсона и Диомида, Фотия и Аникиты; святых и праведных богоотец Иоакима и Анны и всех святых. Яко Ты еси Источник исцелений, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, со Единородным Твоим Сыном, и Единосущным Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва Таинства соборования

Часть первая Святые целители древности

Несмотря на недуги

В далекой от больших городов сельской церковке Великим постом совершалось Таинство соборования. От ближайших деревень сюда тоже путь неблизкий, но все-таки под скромно отреставрированными сводами, перед бедным бесхитростным иконостасом, собралось несколько десятков прихожанок, все – старые сельские труженицы. В их морщинистые руки на веки вечные въелась русская земля, а спины их навсегда согнулись под тяжестью многолетних крестьянских работ. Привычно одолели они трудные тропинки среди заснеженных полей, несмотря на больные ноги и другие недуги. Потому что здесь, в любимой этой церковке, открывается им окно в мир вечной радости и покоя. В тот мир, куда ушли их отцы, деды и прадеды, которые упокоились тут же, на скромном кладбище за оградой.

Заботливый батюшка расставил в храме лавочки, зная, как нелегко этим семидесяти-восьмидесятилетним старушкам выстоять долгую службу. И они, несколько виновато примостившись на скамейках, внимали молитвам Церкви и Евангельским чтениям, которые с радостью и доступно для этих простых людей пояснял всякий раз священник.

А потом он произносил положенную молитву, прося Отца Небесного прийти к этим смиренным рабам Своим, исцелить их немощи и недуги молитвами бессребреников и целителей Космы и Дамиана, Кира и Иоанна, Пантелеимона и Ермолая, Сампсона и Диомида, Фотия и Аникиты.

Многokrратно звучали под сводами храма эти древние имена. И вместе со звуками своих имен вступали в бедную ветхую церковку, стоящую далеко от больших дорог, те, кому эти имена принадлежали. Они незримо прикасались своим молитвенным дыханием и милосердной любовью к согнувшимся под тяжестью многолетних работ спинам, к заскорузлым рукам, в которые въелась черная земля, к ногам, прошедшим не одно «кругосветное путешествие» по своим и колхозным пашням и огородам.

– Стратотерпче святой и целителю Пантелеимоне, умоли милостивого Бога, да согрешений отпущения подаст Он душам нашим, – пел нестройный хор, состоящий из пожилой матушки да двух деревенских старушек.

– Святые бессребреники и чудотворцы, посетите немощи наша! – возносились подрагивающие, но проникновенные голоса к темным сводам.

И слезы путались в старческих морщинах обрамленных платочками лиц. Слезы мешались с освященным маслом, и светлое умиление касалось этих простых сердец. Едва ли ведомо было им, как пострадал за Христа целитель Пантелеимон, кто такие Фотий или Сампсон, но близость их, теплое их предстательство ощущали они несомненно. И повторяли вслед за священником имена людей, которые жили в далекие-далекие годы в Римской империи и взошли к Богу, чтобы остаться навсегда современниками всех, кто призывает их в своих молитвах.

Мы совсем другие. Наши руки не знают черной земли, спины не привыкли сгибаться над грядками, нам даны другие болезни и заботы. Но мы тоже приходим на Соборование Великим постом в наши городские церкви и слышим те же молитвы, те же святые имена. Но нам, книжникам и книгочелям, важно все-таки знать, что за судьбы скрываются за каждым именем. Нам важно хотя бы отчасти познакомиться с Диомидом и Сампсоном, Киrom и Иоанном, Космой и Дамианом, целителем Пантелеимоном и его духовным отцом Ермолаем.

А также со святыми мучениками Фалалеем и Трифоном. Поэтому мы хотим рассказать о них то, что, может быть, сделает их образы более зримыми и живыми. И тогда мы сумеем искреннее и теплее молиться этим великим целителям, чтобы они пришли к нам на помощь в минуту испытания и в пору телесных и душевных болезней, от которых все же да оградит нас милостивый Господь.

Святой великомученик и целитель Пантелеимон

Светлый юноша с кудрявыми черными волосами и ясными, чистыми глазами – таким запомнился целитель Пантелеимон совсем еще молодой женщине Агнии Поликарповой. Она осталась одна, беспомощная, с новорожденным младенцем. Мучительные головные боли лишали ее сил, погружали в полусознательное состояние. В редкие минуты, когда младенец засыпал, а боли отступали, она хваталась за недавно подаренную ей книжечку – житие святого целителя с его крохотным изображением. Вглядывалась в его лик, просила, плакала. Боль снова накатывала, младенец просыпался, но встать с постели, подойти к нему сил не было.

И однажды кто-то неслышно вступил в ее комнату, мягко склонился над плачущим младенцем, и Агния узнала этого черноволосого юношу с ясными глазами. Младенец затих. А потом целитель подошел к больной. Тишиной, ласковым теплом повеяло на нее. «И самая нежная мать не может хранить своего малютку так, как он хранил меня в эти дни», – писала потом Агния.

Здоровье вернулось к ней, и в сердце навсегда осталось тепло той таинственной встречи.

Черноволосый юноша в старинной одежде, с небольшим ковچهжцем в одной руке и крохотной ложечкой в другой, – он смотрит на нас со своей иконы в каждом храме. Мы несем к нему свои молитвы, жалобы, ставим свечи.

– Святой Пантелеимон, прошу тебя, пожалуйста, моли Бога об исцелении моего сыночка Семена...

– Великомученик Пантелеимон, помоги моему Диме вылечиться...

– Прошу тебя помочь исцелению внука моего Ильи... – горячо молится кто-то перед иконой целителя.

И тайные вздохи душ слышны в этих простых просьбах.

– Святой Пантелеимон, спасибо тебе, что помог, что услышал мои молитвы, – благодарит святого новый голос.

Год 2000-й от Рождества Христова. К Храму Христа Спасителя в Москве вьется длинная очередь. Час за часом стоят люди, вырвавшись из обыденной реальности, устремившись к небу. Ведь там, в Храме, в небольшом посеребренном ковчеге, – честная глава того, кто был когда-то обезглавлен римскими воинами за верность Христу. Люди идут к целителю с болезнями и повседневными нуждами, с тем чтобы облегчил, помог, устроил, несут свои каждодневные заботы в Храм, к святому жителю вечного мира, и значит, тоже тянутся от земли, от суеты сует, из пучин житейского моря – к небу.

Простой русский крестьянин уже позапрошлого, девятнадцатого века. Болезнь приковала его к постели. День ото дня становилось хуже. Боль, бессонница, стоны. Измученная страданиями мужа жена хотела везти его в больницу. Но что такое для тогдашнего сельского жителя врачи и больницы? Только пытка чаще всего безрезультатными лечебными процедурами, а еще и деньги. Те последние жалкие сбережения, которые спрятаны в самом укромном уголке в холщовом мешочке...

– Нет, хозяйка, доктора мне уже не помогут, один у меня доктор, – и больной указал на небольшую бумажную икону целителя Пантелеимона, которую купил когда-то в Москве в знаменитой часовне на Никольской.

– Дай мне ее, – и он прижал к себе дешевый образок. – Помоги мне, святой целитель, – шептал больной, и долгожданный сон пришел к нему.

А во сне крестьянин сидел на лавке в своей избе. Он знал, что болен, но чувствовал себя спокойно и хорошо. Солнце заливало деревянную улицу. Куры мирно поклевывали при-

дорожную землю. И вдруг бесшумно, легко, по ухабам сельской дороги подъехала карета. Таких экипажей в их глуши никто не видывал. Дверца приоткрылась. Там было трое. Два старца, а третий... Такое знакомое ясное молодое лицо и странная старинная одежда! Точно как на бумажном образке! Юноша вышел из кареты, вошел в избу. Он сел на лавку к больному. Он обнял его, как друга, как отца.

– Ну вот и я, твой доктор, здравствуй, ты ведь звал меня, – прозвучал тихий голос. И больной приник к нему, и тепло, радость, неизъяснимое блаженство залили душу.

– Я здоров, хозяйка, слышишь, здоров, – весело проговорил проснувшийся крестьянин. На полу котенок играл с лучиком солнца, а в сердце недавнего больного горел огонек иного, вечного, света.

Летний день в дореволюционной Москве. По старому стилю – конец июля. Никольская улица, что ведет к Красной площади, запружена народом. Идут и поют тысячи, тысячи людей. Больше, конечно, серых простонародных кафтанов, бабьих платков, но есть и сюртуки, и изящные платья. Москва величает своего любимого целителя, кроткого великомученика Пантелеимона.

На каторжные клейма,
На всякую болезнь —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть, —

так писала за год до революции Марина Цветаева.

Сюда, на Никольскую, в величественную часовню, почти собор, каждодневно шли русские люди. Несли свои болезни и скорби к образу святого с частицей его мощей, привезенной с Афона. Благодатный старец Агафоклий встречал богомольцев и просителей, помазывал маслом. Сюда ехали со всей России. Место знали все: пройти в ворота Китайгородской стены, миновать приземистую церковь Владимирской иконы – и тогда окажешься возле дверей, из-за которых льется напев очередного молебна.

Уже после революции один еврей заболел раковой болезнью, врач отмерил ему несколько недель жизни. Они с женой в отчаянии ехали из дорогой лечебницы по Никольской улице. Неожиданно больной попросил остановить коляску возле часовни.

– Я должен зайти туда.

– Но ты же другой веры, – возражала жена.

– Но я ощущаю властный призыв, я не могу противиться. – Он вбежал в часовню и впервые в жизни упал на колени перед христианской святыней. Слезы не давали шептать слова прошений.

Через несколько недель в один из подмосковных храмов пришел пожилой человек.

– Я еврей, но хочу креститься, – сказал он священнику. – Потому что ваш святой дал мне здоровье. Я верую вашему Богу.

А между тем шли 1920-е, советские, годы. Быть христианином становилось все опаснее. Но святой целитель перевернул душу этого человека, ввел его в свою часовню, даровал ему здравие и открыл Христа. А через несколько лет прекрасная часовня вместе с крепостной стеной и несколькими старинными зданиями взлетела на воздух. Гул рухнувших обломков прокатился по Красной площади, ударился о стены Кремля и отхлынул к реке. По воде пошла тревожная рябь. Словно кто-то осторожно ступал по речной глади.

А там, где стояла часовня, на углу Богоявленского переулка и Никольской улицы, долгое время был небольшой сквер. Деревца, травка. А потом соорудили здесь новый торговый центр, каких во множестве наплодила наша эпоха. Спешат мимо витрин модных магазинов озабоченные покупатели. Свиристыют мобильные телефоны, шуршат упаковочные пакеты,

с рекламных плакатов глядят упоенные блаженством приобретения новых вещей белокурые красавицы и красавцы. Но, может быть, и сейчас – на этом месте, если остановиться, если вслушаться, то различишь чей-то молитвенный шепот, плач, пение. Ведь он все равно остался с нами, не ушел, «младенец Пантелеймон», целитель «всякой бо лести».

* * *

...Когда он был совсем еще маленьким, мама часто произносила над ним имя христианского Бога. Если ему случалось болеть и от жара ломило ножки и ручки, она осеняла его крестом. А когда он выздоравливал, садилась с ним в саду их богатой виллы в малоазийском городе Никомидия и рассказывала о том, как был распят Сын Божий и как ранним весенним утром на третий день после Своей смерти Он явился сперва женщинам, потом являлся ученикам, и наконец у них на глазах вознесся на небо.

– Он ждет нас там, сынок, – говорила мать.

Сквозь ветви персиковых деревьев блистала небесная лазурь. И мальчик долго глядел в сияющие просветы.

А потом мама умерла.

Спустя годы отец отдал его учиться врачебному искусству. Он молился вместе с отцом Юпитеру и Диане. Его учитель Ефросин усердно приносил жертвы Асклепию. Но лазурь, которая сияла сквозь зелень деревьев, волновала душу мальчика. Глядя в небо, он часто вспоминал мать, и смутная тревога закрадывалась в сердце, когда отец возжигал светильники в домашней кумирне.

Мальчик быстро добился успехов. Сам император Максимиан, посетивший Никомидию, обратил на него внимание. Ему прочили придворную карьеру. Ефросин был доволен Панталеоном. Да, именно так назвал его отец. «Во всем как лев» – значило это имя. Отец хотел видеть в нем сильного, ревностного подданного великой империи, верного гражданской доблести своих предков и величию их могущественных богов.

Но все в его жизни перевернулось после того, как он услышал свое имя на углу немощеного переулочка и большой улицы. Каждое утро проходил он там к своему учителю и не обращал внимания на пожилого человека, который копал что-то в саду или просто сидел у порога своего скромного одноэтажного дома.

– Панталеон, – произнес этот человек, и юноша остановился. В бороде незнакомца пробивалась седина, худые руки мирно покоились на коленях. А глаза были простые и мудрые.

– Я знаю, ты достойный ученик прославленного врача. Но знаешь ли ты – кто истинный Врач всех людей?

– Нет, – с волнением, словно ожидая чего-то, отвечал Панталеон.

– Христос, – тихо произнес человек.

Названное Имя вмиг воскресило в памяти юноши и лазурь, сияющую сквозь ветви персиковых деревьев, и маму, склоненную над детской кроваткой, и таинственное тепло материнской молитвы и благословения.

Панталеон часто потом приходил к этому человеку. Оказалось, что он был священником гонимой христианской Церкви. Звали его Ермолай. В дальней комнатке небольшого дома услышал Панталеон о происходивших в далекой Галилее событиях трехсотлетней давности. О том, как холодной ночью родился в пещере Спаситель мира. Как потом вышел на проповедь, исцеляя и утешая людей. Как Он поднял с постели расслабленного, возвратил зрение слепому, как воскресил мертвую девочку, дочь начальника синагоги, и юношу, единственного сына вдовы, и друга Своего Лазаря.

«Неужели вера моих отцов – ложная вера, а истина здесь – в словах этого тихого человека?» – часто думал Панталеон и вспоминал свою мать. В задумчивости он нередко теперь блуждал после занятий по городу, лишь к вечеру возвращаясь домой.

Однажды юноша вышел к пустырю и у самой дороги среди камней и сухих колючек увидел змею. Она свилась на камне и шипела, подняв голову. Зловеще поблескивали ее холодные глаза, и Панталеон в страхе отступил в сторону и вдруг споткнулся обо что-то. Он подумал, что это ком земли или бугорок, но, оглянувшись, увидел бледного мальчика. Тот лежал на земле, безжизненно запрокинув голову, разметав тонкие руки. Лицо – блеее полотна, губы безвольно разжаты, неподвижные глаза отсвечивали стеклянным, безжизненным холодом. Ошибки быть не могло, мальчик мертв. На ноге, чуть повыше щиколотки, был крохотный след от укуса, смертельный змеиный яд остановил маленькое детское сердце. Забыв об опасности (а змея все с тем же холодным вниманием продолжала следить за человеком, готовая к нападению), Панталеон приблизился к мальчику. И стало пронзительно, до боли жалко этого ребенка. Ему не было и десяти лет. Где-то рядом живет его семья, братья, сестры. Мама ждет его и думает, наверное, что сынок опять заигрался с друзьями, и уже начинает сердиться и не знает, какое горе совсем рядом с ней. И сердце Панталеона наполнила решимость.

– Нет, я не хочу этой смерти, этого горя. И Тот, о Котором говорил мне Ермолай, Кого призывала ночами моя мама над моей кроваткой, Он тоже не хочет этого горя. Он хочет и может помочь, – прошептал Панталеон.

В душе заструилась его первая молитва – молитва милости и сострадания:

– Господи Ермолая и моей матери, Ты пришел на нашу землю, и про Тебя говорят, что Ты при жизни Своей исцелял и воскрешал. Если это так, если Ермолай прав, а мой отец и мой учитель обманываются, сотвори чудо, воздвигни этого мальчика, верни его матери, а змею останови, пусть не сеет она больше смерть!

Как много сил отдал юноша этой короткой молитве! Сев на землю, он спрятал лицо в ладони, перед ним снова мелькнула грозно шипящая голова змеи. И он застыл. Нет, больше он ничего не ждал, не просил, но словно бы на мгновение забылся, потерял себя, утратил ощущение действительности.

– Ой, смотри, что с этой гадиной случилось, – прозвенел вдруг над его ухом веселый мальчишеский голосок. – Это ты ее так? А она ведь меня, кажется, укусила, а вот – ничего.

Перед ним стоял тот самый мальчик, живой, уже не такой бледный. Он улыбался, болтал, а возле камня лежала змея, разрубленная пополам. Только кем?

Панталеон вскочил на ноги, радость захлестнула его сердце.

– Значит, Ермолай прав, значит, Иисус – Бог! – выкрикнул он и обнял мальчика, и хотя тот ничего не понял, но тоже обнял Панталеона. – Беги, беги к матери, она тебя ищет, ты задержался, слышишь, – спешно проговорил юноша. И мальчик в самом деле побежал, а Панталеон не побежал, а полетел к домику на углу тихого переулочка и большой улицы.

В этот день родился новый человек. В дальней комнате своего скромного дома отец Ермолай крестил Панталеона. В низкой комнатке тихо горела лампада. Было холодно. В очаге дотлевали угли. Но юношу согревало неземное тепло. Он замер, с радостным изумлением ощущая Чье-то сладостное неземное прикосновение. Кто-то был сейчас в этой комнате, Кто-то посетил этот крохотный домик и Своим теплым дыханием вошел в сердце юноши.

Но как стремительно пролетело время, как быстро настал тот час, когда Панталеона призвали к прибывшему в Никомидию императору. Этому предшествовало исцеление слепца. Именем Христа вылечил его молодой врач. Завистники донесли об этом императору. И вот повелитель мира мрачно вглядывается в чистые ясные глаза Панталеона.

– Что же ты, юноша, не стремишься ко мне на службу? Или не хочешь послужить великой империи и самому императору? Тебе больше нравятся оборванцы и обманщики? А может, тебе по сердцу сказки про казненного на кресте обманщика из Галилеи?

– Он не обманщик, и повествования о Нем – не сказки, – тихо, но твердо возразил Панталеон. – Он истинный Бог.

– Не безумствуй, – усмехнулся император.

– Я не безумствую, безумствуют те, кто не признает Господа, Творца неба и земли, – твердо прозвучал под сводами дворца молодой голос. – Хочешь увидеть Его мощь и испытать силу римских богов? Я знаю, у тебя сейчас есть смертельно больной слуга. Пусть принесут его сюда, и пусть твои жрецы призовут своих богов на помощь, да придут они исцелить его. А потом и я призову своего Бога.

Долго молчал Максимиан. Потом приказал:

– Несите.

Лежащий без сил на носилках человек. Уже несколько недель он прикован к постели. К бледному лбу прилипла прядь волос. Он хрипло дышит, и бескровные губы едва шевелятся. Громкие молитвенные восклицания жрецов оглашают здание. Пахнет ладаном, а потом и жареным мясом. На жертвеннике дымится молодой барашек. Но больной только кашляет, задыхаясь от струящегося в его сторону дыма.

И вот возле носилок – Панталеон. Он не зажигает жертвенного огня, не простирает к небу рук с громкими криками. Он склоняется к больному и берет его худые длинные пальцы в свои мягкие руки.

– Господи, услыши молитву мою и умиلسердись над этим страдающим созданием Твоим, – говорит он тихим голосом. Только император и несколько приближенных могут слышать Панталеона. Остальные замирают в тишине. Тишина опускается на всех, наполняет покои дворца, тишина просится в каждое сердце, даже в сердце жестокого Максимиана. И в тишине слышно, как скрипят носилки, когда больной поднимается на ноги. Панталеон дает ему руку, и они идут, идут по залу, и тишина шествует вместе с ними, и никто не может эту тишину нарушить, пока не раздастся резкий звук. Это император ударяет в ярости по каменным плитам своим жезлом.

По приказу царя святого целителя повлекли на муки. Строгали железными когтями, жгли огнем. Потом отдали на съедение львам. Львы лизали его ноги. Они не могли, не смели ничем повредить ему. Кровь, раны, ожоги превратили некогда прекрасное тело в сгусток боли. Но большие, ясные глаза глядели на мучителей без злобы и даже с жалостью. А когда предсмертная пелена стала заволакивать этот чистый взор, когда тьма почти совсем охватила сознание, он увидел сияние. Это сияние приближалось и росло. И вдруг появилась фигура, которая показалась Панталеону такой знакомой... Боль стихла, крики мучителей, гул толпы стали едва слышны. Тот, кто приближался к нему, был так похож на священника Ермолая. Но ведь священник только что на глазах у Панталеона был казнен по приказу императора. Однако черты лица похожи. Похожи и в то же время – иные... Нет, это не Ермолай. Это, это...

– Пантелеимон, – раздался спокойный ровный голос. И мученик узнал его. Ведь это был тот самый голос, который слышался ему со страниц Евангелия, когда в тесной комнате скромного дома священника Ермолая собирались тайком христиане на Литургию. В темноте только одна лампада едва мерцала перед изображением большой рыбы на стене, и священник доставал из тайника драгоценную книгу. Он читал слова Спасителя, и голос его становился иным, это был уже не его голос, не голос отца Ермолая. Сам Христос говорил его устами...

– Пантелеимон, – снова услышал страдалец.

Спаситель давал ему новое имя. Нет, он не «во всем подобный льву», а «всемилющий» – таково значение нового, истинного имени мученика и целителя, имени, которое полу-

чил он за несколько часов до смерти. За несколько часов до того, как меч римского воина отсек его голову.

Это имя пройдет через века. Оно перелетит границы Римской империи, переживет многие исторические эпохи и шагнет в наш суматошный, информационно-индустриальный век. Снова и снова, входя под своды наших храмов, мы невольно будем выискивать глазами икону черноволосого юноши с небольшим ковчежцем и крохотной ложечкой в руках. Огонек нашей свечи будет ласкаться к его тонкой бледной руке. А мы задержимся на минуту подле его нежного светлого лика, потому что нам всегда есть о ком и о чем попросить все-милостивого целителя и великомученика Пантелеимона.

Святой мученик Трифон

Есть в Москве, недалеко от Рижского вокзала, маленькая церковка. Она затеряна среди безликих многоэтажек брежневского времени и кажется странным вкраплением далекого и прекрасного прошлого в нашу серую современность. Это один из самых древних храмов Москвы, а посвящен он мученику Трифону. Даже и улица, на которой стоит храм, называется Трифоновской. Каким образом имя древнего мученика осватило этот уголок Москвы?

Прежде чем ответить на наш вопрос, перелистаем страницы жизни человека, который жил восемнадцать веков назад, но и сейчас известен многим людям, совершенно далеким от исторических изысканий.

Святой Трифон прожил совсем недолго. Как и целителя Пантелеимона, на иконах Трифона изображают обычно юношей, потому что еще молодым человеком принял он великие мучения за Христа и перешел в вечную жизнь.

Родился Трифон в Малой Азии в третьем веке после Рождества Христова. Жил он в селении Кампсада неподалеку от города Апамеи. Предание говорит о нем как о совершенно необычном мальчике, который наделен был даром врачевания и чудотворения. Когда и почему развился в нем этот дар, мы не знаем. Но знаем, что творил он чудеса не волшебными заклинаниями, а силой Христовой. Он был простым сельским мальчиком, но, судя по всему, его родители исповедовали христианство. Новая вера в те времена давала ростки не только в городах, но и в далеких селениях, где, казалось бы, крепко сохранялось почитание древних языческих богов.

Евангельское учение глубоко было воспринято невинной душой мальчика. Трифон часто пас гусей в окрестностях родного селения. Он созерцал красоту, тайну окружающего мира и чувствовал чистым сердцем присутствие в земной красоте Небесного Отца, Бога любви и милости. И сердце его загоралось любовью. Нередко приходил он в дома своих односельчан в те дни, когда там слышен был плач, когда умирал ребенок или мучилась в послеродовой горячке молодая мать. Он смотрел на чужую муку с сочувствием и взывал к Спасителю:

– Господи, когда Ты ходил по земле, Ты отзывался на всякое земное страдание, Ты исцелял и воскрешал. И я верю, что Ты и сейчас рядом с нами и можешь помочь! – И затихал детский плач, вставала с постели безнадежно больная.

О Трифоне заговорили не только в родной деревне, но и в окрестных селениях. Особенно после случая... с гусеницами. Летом у многих крестьян посева стали засыхать и сгнивать на корню. С ужасом видел то один, то другой крестьянин, что его надежда, его хлеб насущный, которым должен он питать себя и свою семью целый год, гибнет. Мы, привыкшие к переполненным магазинным прилавкам, не понимаем того горя и страха, которые испытывали люди в таком положении. А причина бедствия была в том, что в полях стали плодиться вредные гусеницы, уничтожавшие корни растений. Со слезами глядел на это и мальчик Трифон. И однажды к нему пришли те, кому он уже успел помочь, и те, кто слышал о его чудотворениях. Взрослые сильные люди, привыкшие к нелегкому грубому труду под палящим солнцем, стояли перед худеньким мальчиком. Они ждали от него помощи.

– Ты должен спасти нас, Трифон. Проси своего Бога! – сказал один из крестьян.

На следующее утро, когда солнце осветило колосающиеся поля, осветило и те участки, на которых темнели засохшие и поникшие посева, мальчик, воздев руки, в простоте сердца обратился к насекомым:

– Заклинаю вас, черви и гусеницы, великим именем Иисуса Христа, Сына Божия, Спасителя мира, идите на дикие горы и неплодоносные деревья, оставьте поля и нивы людей сих. – Тихо журчала детская молитва, неспешно поднималось солнце над полями, и никому

не видимые гусеницы едва слышно ползли прочь от желтеющих под восходящим солнцем полей.

Минули многие столетия – та молитва святого Трифона вошла в сборники христианских священнических молитв – требники. И в краях, далеких от Малой Азии, над русскими полями и нивами продолжали звучать слова святого отрока, и, как свидетельствовали многие священники, эти слова спасали от вредных насекомых и зверей урожай сельских тружеников.

Имя крестьянского мальчика из далекой деревеньки достигло императорских покоев. В семействе императора Гордиана случилось горе. Его любимая дочь, изнеженная и утонченная, заболела страшной болезнью. Время от времени неведомая сила схватывала ее и била об пол. Обезображенная недугом, она теряла сознание и долго после этого страдала. Врачи тщетно изучали рукописи Гиппократ и Галена, тщетно взывали к богу-врачевателю Асклепию. Императорская дочь снова и снова падала на устланные коврами полы прекрасной виллы в чудовищных припадках. Император, потеряв доверие к ученым медикам, стал искать иных целителей. И тут услышал он имя Трифона. Кто сказал ему об этом мальчике? Один из придворных, который оказался родом из тех мест, где жил будущий мученик? Или гонец, посланный в далекие края разыскивать врачей, случайно забрел в Кампсаду и услышал о нем? Впрочем, предание сообщает нам, что сама больная в припадке назвала имя Трифона. Так это было или иначе, но деревенский мальчик, с хворостиной в руке пасший гусей, предстал перед правителем величайшей империи. Его ввели в покои больной. До того бессильно лежавшая, девушка вдруг с огромной силой сорвала повязки, которыми скрутили ей руки и ноги, и бросилась в припадке на пол. Она кричала, и крик ее был нечеловеческим, так не могла кричать девушка. Мальчик стоял перед чужой и страшной силой, и сердце его жалело эту бедную душу, которой завладел нечистый дух.

Почти беззвучно прошлестела молитва отрока, молитва к Тому, Кого не знали в этих царских чертогах, молитва к Царю мира, Который родился в пещере и умер на кресте, но остался сильнее всякого существа во вселенной. Последний раз сотряс нечистый дух тело девушки, и несчастная затихла, потом открыла глаза и встала. Лицо ее порозовело, она очнулась к новой жизни.

Конечно, император был безмерно благодарен Трифону. Он звал его остаться в Риме, обещал наградить и возвысить, но мальчик просил об одной награде: доставить его поскорее к родителям, к домику с плоской крышей, к полю, засеянному ячменем, к невысокой горе, поросшей соснами, над которой так величаво и радостно восходит солнце.

Но прошло немного лет, прежний император умер, и к власти пришел жестокий правитель Декий. Он питал особую ненависть к христианству и решил искоренить новую веру в своей гигантской империи. По всем провинциям были возобновлены гонения на христиан. Правитель восточных провинций Акилин ревностно взялся за исполнение приказа императора. Имя Трифона в те годы не сходило с уст жителей многих селений и городов. К нему в Кампсаду привозили больных и бесноватых. Он был теперь уже сильным, рослым юношей, но по-прежнему горел верой и состраданием. Он продолжал преклонять колена перед милосердным Отцом Небесным и просить Его Сына посетить и спасти страдающих людей. И больные вставали, бесноватые затихали и очищались. Услышал о нем и Акилин. И однажды в Кампсаду пришли не смиренные просители, а грубые воины. Трифон был увезен в Никею, резиденцию правителя, и предстал перед Акилином.

– Назови свое имя, отечество, судьбу и веру, – спросил правитель.

– Имя мое Трифон, живу я в Кампсаде близ города Апамея. Судьбы у нас нет, и ей мы ничего не приписываем. Ведь все устраивает Промысл Единого Бога, а не случай, судьба или стечение звезд. По состоянию я свободный римский гражданин, а поклоняюсь только

Христу, Который есть начало и конец моей веры, – ответил юноша. Он без страха смотрел в глаза Акилину. Тот не выдержал его взгляда, опустил глаза и сказал резко:

– Ты что, не слышал царского указа предавать смерти христиан? Принеси жертвы богам, и ты сохранишь свою жизнь. Иначе ты будешь предан огню.

– О нет, правитель, ты ошибаешься, огню я предан буду, если отрекись от Господа моего, огню вечному, негасимому, перед которым ничто – этот земной огонь.

– Отдайте его бичевателям, – бросил Акилин. И грубые руки схватили юношу. Сотни ударов обрушились на его тело. Он стискивал зубы, молчал, и глубоко в сердце зрела радость – радость от того, что он страдает за любимого Спасителя, он, подобно Господу в ночь накануне Распятия, принимает удары жестоких римских бичей.

И снова он был перед лицом Акилина, и снова тот требовал отречения, но Трифон свидетельствовал о своей вере, о ее красоте и правде.

А потом его повлекли по улице. Его раздели, привязали к коню и босого заставили идти по промерзшей улице. Ступни прилипали к ледяной дороге, и страшная боль пронзала суставы.

– Утверди стопы мои в слове Твоем, – пел Трифон псалмы Давида, и неземное тепло согревало душу.

На несколько дней он был брошен в тюрьму. Юноша провел эти последние дни в молитвах. Он видел страдающего Сына Божия перед своим мысленным взором и молил Его: «Дай мне, Господи, пройти путем страдания до конца». Он знал, что главные муки впереди. Ему вбили гвозди в ноги и водили по улицам города, его бичевали и жгли огнем, привязав к столбу. Он, забываясь от боли, временами приходил в себя и, глядя на искаженные злобой лица мучителей, жалел их и молился словами первомученика Стефана:

– Господи, не вмени им греха сего! – ведь и их почерневшие души хранили в себе искру света.

Наконец он был осужден на казнь. Ему должны были отсечь голову. Трифона вывели из города. Несколько воинов сопровождали его. А поодаль, стараясь остаться незаметными, шли те, кто любил юношу и сострадал ему.

И вот настали последние минуты жизни Трифона. Палач медлил, подготавливая место казни. Было раннее утро, и солнце окрасило нежным сиянием окрестные места. Обратившись на восток, Трифон видел сердцем Того, Кто каждое утро вновь освещает прекрасный мир.

– Слава Тебе, показавшему нам свет, – шептали обескровленные губы страдальца, – благодарю Тебя, милостивый Господи, что Ты дал мне силы перенести страдания. Молю Тебя: пошли ангелов Своих и прими меня в Твои селения, молю и за тех, кто будет помнить жизнь и страдания мои, кто будет обращаться ко мне за помощью. Не оставь их, Спасителю мой, приклони милость Твою, исполни прошения рабов Твоих, – и молитвенный шепот затих. Силы покинули изможденное страданиями тело, и стоявший на коленях Трифон приник к земле.

Когда палач повернулся к юноше и приказал было ему взойти на плаху, то увидел бездыханное тело. Святая душа возшла уже к своему Отцу. Казнь не потребовалась. Наблюдавшие за кончиной святого христиана обвили тело его пеленами и хотели похоронить в Никее. Но в ночь перед похоронами один из христиан увидел во сне облаченного в светлое сияние юношу. Он просил вернуть его тело туда, где было ему всего лучше, в родную деревню Кампсаду. Ведь там бывает так хорошо, когда тихий ветерок качает спеющий ячмень, солнце восходит над поросшей пиниями горою и гогочут гуси, которые грустят, конечно, о любимом своем молодом пастушке.

В Кампсаде его и похоронили, но впоследствии исторические бури пронесли над здешними местами. Малая Азия была захвачена турками, многие святые мощи были уте-

ряны. И все же Господь сохранил честную главу святого Трифона. Она хранится в православном сербском храме города Котора, что стоит в живописном ущелье на берегу Боки Которской – узкого залива Адриатического моря, который на много километров врезался вглубь черногорской земли. В начале девятнадцатого века один русский мастер сделал для мощей мученика серебряный ковчег, и за это сербы прислали в Москву частицу мощей святого Трифона. Частица была вделана в икону мученика, и образ этот долгое время находился в том старинном московском храме на Трифоновской улице, с которого мы и начали наше повествование.

А построен этот храм был на том месте, где древний мученик явился русскому человеку. Это было, согласно новым исследованиям, во времена великого князя Московского Ивана Третьего, которого, кстати, тоже именовали Грозным, как и его внука. И гроза этого московского правителя должна была разразиться над головой княжеского сокольничего Трифона Патрикеева – он потерял сокола-охотника, одного из тех, которых так любил государь. В горе и страхе бродил Патрикеев там, где сейчас шумит река машин по Третьему кольцу, а тогда шелестели листьями густые и богатые зверьем подмосковные леса. Он знал, что, если сокол не будет найден, с него сдерут три шкуры. Путаясь в густых зарослях, он молился. Поминал и Пречистую Деву, и заступника всех несправедливо наказуемых святителя Николая, и особенно своего святого – мученика Трифона. Наконец, уставший, он присел отдохнуть под деревом и заснул. Но сон был так похож на явь. Сокольничий увидел тот же лес: трепещущие листьями осины, мощные липы, белеющие сквозь густой подлесок березы, а между ними – белого коня, а на коне – юношу. У юноши на руке – сокол.

– Вот он, сокол твой, – промолвил всадник и растаял.

Тут же Патрикеев проснулся. На нижней ветке соседнего дерева сидел его сокол.

Загляните в интернет, наберите имя святого Трифона, и вы прочтете множество рассказов о том, как помог мученик найти ключи, документы и многое другое. А еще зайдите среди дня в Знаменский храм у Рижского вокзала – туда перенесена была икона мученика Трифона с частичкой мощей из Котора после закрытия церкви на Трифоновской. И вы увидите, что в храме, даже когда нет службы, немало людей, пришедших к образу святого Трифона с самыми различными просьбами: и о здоровье, и о помощи в житейских скорбях, и о работе, потому что мученик Трифон по каким-то таинственным причинам особенно помогает тем, кто находится в нелегких поисках рабочего места. У большинства из нас нет теперь полей и сельских угодий, над которыми надо трудиться, переживая о том, чтобы не съели их вредители и не заглушили сорняки, но на хлеб насущный мы все равно должны зарабатывать. И Трифон, мальчиком спасший своих земляков от голода и неурожая, помогает и нам, немощным детям индустриального века, найти свой кусок хлеба, свое дело, свое скромное место в калейдоскопе современной жизни.

Он помогает нам, потому что Господь услышал его молитву, омытую многими страданиями и скорбями, ту молитву, которую произнес он за несколько мгновений до смерти. Ведь он просил о тех, кто будет поминать его. Так что будем неустанно призывать на молитве имя этого юного страдальца и чудотворца – святого мученика Трифона. И будем услышаны.

Святой мученик Фалалей

Еще одно святое имя поминается в ряду христианских целителей. Это имя мученика Фалалея. Он не столь известен у нас, как святые Пантелеимон и Трифон, и житие его совсем невелико, но и он ярким светом сияет у престола Божия и тоже слышит наши молитвы и отзывается на них.

Подобно Трифону и Пантелеимону, святой прожил недолгую жизнь. Юношей принял он страдания и смерть и взшел ко Господу незадолго до конца гонений на христианство в Римской империи.

Родился Фалалей по соседству со Святой Землей, в Ливане, и был воспитан родителями в христианской вере. Он рано узнал радость молитвы, и любовь к Богу слилась в его сердце со стремлением помочь страдающим людям. Отец, видя его сочувствие больным и немощным, отдал его учиться врачебному искусству, и Фалалей, еще будучи совсем юным, умел облегчить боль страдальцам и вселить надежду в больного.

Исповедовать Христа истинным Богом значило в то время быть готовым к страшным испытаниям и нелегким переменам в жизни. Семейство Фалалея узнало это на своем опыте. Однажды их город и окрестные селения обошла весть о новых гонениях на христиан. К их мирным жилищам приближались воины, которые должны были обязать всех приносить жертвы языческим божествам. Целыми семействами потянулись христиане в горы по узким, едва заметным тропам. Ушел со своими родителями и юный Фалалей. Мычали удивленные коровы, которых гнали почему-то в горы в самое неподходящее время, блеяли встревоженные овцы, плакали дети. В горах было тяжело и голодно. Но каким живым огнем горела в сердце молитва! Особенно когда все засыпали, звезды усеивали небесный купол и в лунном свете дышали тишиной и покоем седые вершины. А Фалалей вставал под этой звездной красотой, которая сияла над спящим миром, и всем своим существом ощущал изобильную благодать воскресшего Спасителя.

Но запасы пищи кончались, голодные дети просили хлеба, нужно было раздобыть где-то муки, проса. Взяв холщовый мешок, Фалалей отправился вниз, туда, где шумели людские селения, надеясь принести своим братьям и сестрам хлеб насущный. Он был молод и силен, ему было восемнадцать лет. Загорелое лицо его улыбалось, глаза смотрели смело и просто. Пройдя полдневный путь, Фалалей одному ему ведомыми тропами спустился в долину. Его взору открылась тенистая дубрава. Он присел под могучим дубом, и веки его смежились. Ласковым дыханием овеяло лицо лесной ветерок. Мирно перелетали птицы с ветки на ветку. И вдруг грубый удар сандалии разбудил Фалалея. Перед ним стояли два воина.

– Кто ты и какой ты веры? – спросил один из них.

– Я – христианин, – не стал скрывать правды юноша.

– Тогда ты отправишься сейчас к правителю города, и, боюсь, тебя ждет там несколько неприятных минут, – криво усмехнулся воин постарше и скрутил Фалалею руки.

Этих воинов звали Александр и Астерий. Они были раздражены на своего начальника за то, что им приходится заниматься никчемным делом: вылавливать каких-то бездельников. Они шли весь путь, ругаясь и шпыняя своего пленника. И не знали, что вели того, кто скоро откроет им двери вечной радости.

Спустя пару часов Фалалей стоял перед правителем. Суетный город шумел за окном, недалеко от дворца качалось и било о берег море. Не раз и не два требовал гонитель, чтобы юноша отрекся от своей веры.

– Я люблю своего Господа больше жизни и верую только Ему, – отвечал Фалалей на все вопросы. И столько было тихого мужества и красоты в его облике, что в душах воинов, которые привели его и стояли теперь рядом, шевельнулось что-то. То ли вспомнилось какое-

то потерянное детское счастье, то ли жалко стало этого красивого статного юношу. Но потом они услышали жестокий приказ правителя:

– Просверлить ему ступни и подвесить к дереву! – Александр и Астерий взяли орудия казни, положили на землю связанного Фалалея. Он закрыл глаза и творил в глубине сердца молитву, чтобы вынести боль. Но что это? Вместо его ступней в руках мучителей кусок дерева, который непонятно почему схватили они и проделали в нем дырки. Правитель негодовал:

– Безумцы, что вы делаете, почему не исполняете приказ? Что за глупые шутки?

– Мы сами не знаем, как такое случилось, – запинаясь, ответил один из палачей. А потом прибавил неожиданно твердо: – Господин, я не могу исполнить твоего приказа. Делай что хочешь, но я вижу силу Бога Фалалея. Велик Бог христианский!

– Воистину велик, – решительно отозвался другой.

Вскоре другие палачи отсекли головы двум новым христианам-мученикам Александру и Астерию, которые, умирая, крестились в собственной крови и радостно встретили беспредельный мир вечной жизни.

А Фалалей еще стоял перед правителем. Напуганный происшедшим, тот хотел поскорей отделаться от юноши и повелел отдать его диким зверям. Фалалея кинули в клетку к огромной голодной медведице, которая за мгновение до того в ярости грызла прутья клетки. Когда мученик оказался рядом с ней, она поползла к нему, как домашняя собачонка, и лизала ноги его и руки. Обвиняя Фалалея в колдовстве и втайне боясь его непонятной силы, правитель повелел казнить юношу.

Восемнадцатилетний христианин спокойно лег на плаху. Он умер непобежденным, потому что непобедим воскресший Христос.

Было это в 284 году, и оставалось всего тридцать лет до того времени, когда великая Римская империя в лице императора Константина склонит свою гордую голову перед распятым Сыном Божиим и признает свободу христианского богослужения, на многие века оставив открытые гонения на христиан.

Мученичество святого Диомида

Два других римских солдата тоже были посланы казнить одного человека. В чем состояло его преступление? Не в том ли, что, приходя в дом больного, он подолгу молился распятому Сыну Божию, а потом незаметно уходил, отказавшись от платы? Может быть, его вина была в том, что возле его дома в Никее стояли люди, ждущие помощи, и мешали проезжать торговым повозкам? А скорее всего, он виновен был в том, что те больные, которые легко вставали с постели после его ухода, оставляли веру отцов и начинали почитать истинным Богом и Царем мира Иисуса из Галилеи, жившего за триста лет до римского императора Диоклетиана. Так или иначе, но два сильных воина были посланы казнить человека по имени Диомид. Но им так и не удалось исполнить приказ. Более того, после встречи с целителем, а вернее – с его бездыханным телом, они сами исповедали Богом Того, Кому всю жизнь молился Диомид и Кого ненавидел их император. С ними случилось то же, что с Александром и Астерием.

Диомид был еще не стар и, казалось, далек от смерти, когда в Никею прибыл Диоклетиан. Будущий мученик знал, чем грозит приезд этого ненавистника христианства. Он простился с домашними, отдал последние распоряжения и ждал, когда за ним придут. Ведь в городе слишком многие знали о его вере. А доносчики и зложелатели всегда найдутся. Незадолго до прихода тех двух солдат он вдруг почувствовал дурноту. Силы оставили его. Пришедшие сбросили его с постели грубым толчком. Он еле добрался до телеги, на которой повезли его по тряской улице туда, где ждали его муки и смерть. Но становилось так тяжело дышать, и что-то сдавливало сердце. А потом он несколько раз порывисто вздохнул и затих.

Один из солдат обратил внимание на безвольно поникшую голову узника.

– Что с ним? – испуганно пробормотал солдат.

– Он мертв, – отозвался другой.

Что было делать? Так являться к начальству нельзя. Они решили отсечь голову уже мертвому, инсценируя казнь. Но в то мгновение, когда меч коснулся головы Диомида, оба солдата вскрикнули от испуга. На их глаза опустилась ночь. Наугад, с большим трудом они добрались до дворца императора. Начальник стражи был и удивлен, и напуган случившимся. Разгневавшись, он велел солдатам идти обратно.

– Мне мало головы, принесите тело! – кричал он.

В отчаянии отправились воины исполнять приказание. Окровавленная голова мученика была у одного из них в мешке. А когда тот, что шел впереди, натолкнулся на мертвеца, другой вынул из мешка голову и приложил ее к телу. Тогда открылись у них глаза. И они увидели, что лицо казненного не обезображено болью и страхом, а хранит на себе печать неземного мира. Его застывший взгляд словно видит что-то непостижимо радостное. И они склонили колени перед этими святыми останками и исповедовали веру в Бога Диомидова, Бога христиан.

Святые мученики Кир и Иоанн

Среди тех, кого Церковь величает целителями, кого призывает в молитвах о здравии болящих при совершении Таинства елеосвящения, на водосвятных молебнах и в других молитвословиях, есть несколько святых, которые всегда именуется попарно. Вдвоем они совершали свое служение, вдвоем, чаще всего, переходили и в жизнь вечную. Это святые друзья и братья, чья дружба и братство были во Христе и ради Христа. Они вместе шли к единому свету Христову, потому что вместе идти легче и радостней, вместе не так горька чаша страданий, не так тяжела ноша трудного земного бытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.